

потребностью максимально полного использования памятников изобразительного искусства для воссоздания правдивой и достоверной истории первобытного общества, карельские петроглифы найдут новых исследователей. Полная расшифровка наскальных рисунков даст историкам еще один важный источник информации, освещающий многие стороны духовной культуры древнего населения, их мировоззрения, мышления и этим оживит древнюю историю Севера нашей страны. Петроглифы остаются важным источником для изучения некоторых сторон хозяйственной деятельности и материальной культуры. Работа К. Д. Лаушкина, несомненно, побудит новых исследователей заняться этой трудной, но благодарной темой.

Ю. Савватеев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Hermann Strobach. *Bauernklagen*. Untersuchungen zum sozialkritischen deutschen Volkslied. Berlin, 1964, 438 стр.

Немецкий народ обладает не только глубоко поэтическими и удивительно музыкальными лирическими песнями, но и песнями иного рода: в них закабаленный крестьянин выражал свое критическое отношение к социальной действительности своего времени. Впервые такие песни были широко собраны, систематизированы и прокомментированы в двухтомнике Вольфганга Штейнитца «Немецкие народные песни демократического характера за шесть столетий»¹. Здесь собраны песни крестьян, ремесленников, рабочих, солдат, песни исторического периода крестьянских войн и восстаний, песни борьбы за социальную справедливость, свержение эксплуататорского строя и борьбы за мир. Таких песен оказалось неожиданно много. Одним из деятельных сотрудников в создании этой книги был доктор Герман Штробах. Ныне он выступает продолжателем дела, начатого Штейнитцем, но цели его несколько иные. Его работа охватывает только один жанр, но зато всесторонне и с исчерпывающей полнотой. Это так называемые *Bauernklagen* (буквально крестьянские жалобы, сетования), известные начиная с летучих листов XVII в. и существующие и поныне. Насколько правильно именно такое направление работы после книги Штейнитца, видно по результатам: найдено и опубликовано 39 песен этого жанра. До сих пор были известны лишь отдельные песни. Часть новых материалов — очень редкие, уникальные песни, представленные одной записью, другие стали известны в многочисленных вариантах, которых набирается 200 (стр. 367). Из них 140 обнаружены автором впервые (извлечены из архивов и других источников). Уже это одно составляет огромную заслугу. Если так же обстоит дело и с другими жанрами, имеющимися в книге Штейнитца, то наше представление о немецкой песне должно будет существенно измениться.

Тип рецензируемой книги для нас не совсем обычен. Она состоит из двух частей. Первая называется «Исследования песен» и слагается из ряда этюдов о каждой песне в отдельности (стр. 9—327). В зависимости от количества вариантов и от значения песен эти этюды различны по своим размерам, но все они носят строго исследовательский характер. При них в одном или, если нужно, в нескольких вариантах публикуются песни. Полный список вариантов дан в специальном обширном библиографическом приложении. Вторая часть содержит общие выводы из очерков первой части, а также теоретические обоснования исследования (стр. 327—411). Такое построение книги весьма удачно и дает возможность полностью разрешить задачу, которую автор себе поставил, а именно, по возможности всесторонне изучить эти песни на основе наиболее полного охвата источников (стр. 1—2).

Что же представляют собой крестьянские жалобы? Жанр этот почти неизвестен в русском фольклоре. Русский крестьянин говорит о тягестях своей жизни либо в похоронных и примыкающих к ним бытовых причитаниях, либо в песнях крестьянских войн, в песнях разбойничьих, в песнях тюрьмы, каторги и ссылки. Жанр же немецких «крестьянских жалоб» имеет совершенно иной характер. Это распеваемые стихотворения, сложенные не столько крестьянами, сколько различными людьми, хорошо знающими крестьянство, песни о крестьянах и для крестьян (стр. 353—364). Эти песни затем подхватывались и пелись. Можно ли такие песни назвать народными? Во второй части своего труда Г. Штробах подробно развивает теорию народной песни, определяет сущность ее и приходит к правильному выводу, что народный характер песни определяется не происхождением ее, которое может быть очень различным, а бытованием и вариантностью. Для ряда анонимных текстов удалось установить авторов —

¹ W. Steinitz, *Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten*, Akademie — Verlag, Berlin, т. I, 1954; т. II, 1963.

полузабытых поэтов, писавших на родном наречии; в других случаях авторы определяются только со стороны их социальной принадлежности: это деревенский люд различных профессий. Поэтическое достоинство песен не всегда на высоте, но это не лишает их первостепенного научного интереса.

Несмотря на различие происхождения, эти песни со стороны содержания, склада и стиля составляют единый жанр. Песни эти — явление очень сложное и трудное для изучения. Они требуют от автора новых, хорошо продуманных методов. Четко отработанные и мастерски примененные методы составляют одно из достоинств рецензируемой книги, очень поучительной для всех фольклористов, независимо от того материала, над которым они работают. Для изучения собственно текстов, их песенного распространения и идейного содержания автор применяет разные методы изучения. Правильное их сочетание обеспечило успех исследования. В изучении текстов как таковых применяется строго филологический метод, и в этом отношении автор выказал себя как прекрасный германист. В отличие от всех своих предшественников, Г. Штробах перепечатывает тексты без всяких орфографических облегчений или правок, точно следуя рукописи или старопечатному оригиналу. Подробное изучение почерков, типов литер, орфографии, рассмотрение диалектных особенностей и отношения диалекта к литературной речи, изучение рифм и их расположения, изучение напевов — весь этот огромный аппарат используется автором, чтобы с максимальной точностью установить, где и когда создавалась данная рукопись или данное старопечатное издание. Вся эта работа проделана с величайшей филологической точностью и с большой осторожностью. Выводы обоснованы настолько хорошо, детально и продуманно, что в правильности их не остается сомнений.

Для установления индивидуального авторства, кроме филологического метода, иной раз нужны были историко-литературные разыскания, требующие большой начитанности в области диалектной литературы, не получившей широкого распространения и признания, но отраженной в песне, ставшей народной. Вопрос о степени распространения каждой из песен автором решается иными, собственно фольклористическими методами. Варианты рассматриваются с точки зрения их территориальной принадлежности. Оказывается, что песни эти не всегда распространяются так, как собственно фольклорные песни, т. е. не идут сплошной песенной волной, а что формы распространения их очень разнообразны. Распространение прослеживается в пределах не государственных, а языковых границ. В иных случаях можно доказать, что песни распространяются не от одного певца к другому, а путем занесения печатного текста в различные местности. Так создаются независимые друг от друга редакции и варианты. Есть песни, широко распространенные, другие характерны только для одного района или даже селения, есть песни редкие и единичные. Везде, где можно, с точностью определяются пути и границы распространения песен, их оседание. Результаты этих изысканий даются в форме схематических карт.

Особо изучаются автором формы бытования песен. Им рассмотрены летучие листки, крестьянские газеты, календари, рукописные собрания песен, устная традиция. В этом отношении исследователь наталкивается на совершенно неожиданное явление: песни эти не только поются, но исполняются драматически и входят в рождественские и тройичные обрядовые игры. Есть песни, имеющие изначально диалогическую форму, например между крестьянином и чиновником (стр. 279). Связь этих песен с народной драмой настолько тесна, что в некоторых случаях можно говорить об исконности именно драматической формы (стр. 258, 350—351). Чтобы решить вопрос о фигуре крестьянина в ранней народной драме, автор подробно останавливается на фигуре крестьянина в драматургии Ганса Закса (стр. 335—339). Сходство мотивов совершенно очевидно, и это доказывает, что фигура сегоющего на свою долю крестьянина была распространена в драматургии XVI в. Вместе с тем идейная направленность этой драматургии отличается от направленности крестьянских жалоб: у Закса несчастная доля крестьянина предопределена самим богом («Неравные дети Евы»). Автор подробно исследует историческую основу такого взгляда, одинаково характерного как для католической, так и для протестантской церкви после подавления крестьянских бунтов в 1325 г. Все это характеризует метод и стиль рецензируемого исследования.

Но вопросы происхождения, распространения форм бытования, литературных связей и т. д. — все же еще не главное. Главное — содержание песен. Чтобы понять и объяснить его, нужно хорошо знать крестьянский быт различных областей за несколько веков, нужно знать социальную историю немецкого крестьянства.

Книга Г. Штробаха содержит богатый материал по истории экономического и социального быта крестьян. Для объяснения песен привлекаются исторические первоисточники и документы, а также труды историков. Мы не можем входить в детали и ограничимся лишь несколькими примерами. Песня «Швабская крестьянская жалоба», самая ранняя из всех дошедших до нас, рассматривается по районам устного бытования вплоть до XIX в. Один из этих районов — Шварцвальд. В связи с этим на стр. 65—69 дается подробная картина экономического быта края по официальным данным, опубликованным Баденским министерством внутренних дел в 1880-х годах. Здесь приводятся данные для крупного, среднего и мелкого крестьянства. Статистика

показывает, что крестьянские земельные и лесные угодья настолько малы, а бремя всяческих налогов настолько велико, что мелкий крестьянин вынужден идти в кабалу; он становится неоплатным должником. Государство, суд, полиция, духовенство охраняют интересы его господ, и крестьянин разоряется. Все это объясняет происхождение и характер песен. На стр. 96 соответственно тематике песни «Дело крестьянина уж ничего не стоит» подробно рассматриваются охотничьи дворянские права XVI—XVII вв. и бедствия крестьян как от дворянских охот, так и от запретов для крестьян бить зверей, иногда полностью разорявших его поля. На стр. 125, опять в соответствии с содержанием песни, рассматриваются бедствия от солдатчины и от войн, в особенности во время Тридцатилетней войны. В других случаях говорится о тех бедствиях, которые приходится терпеть крестьянину-скотоводу в Швейцарии (стр. 147—148), или о тяжком труде батраков-виноградарей в винодельческих районах (стр. 276). Таких примеров можно привести больше. Они показывают, на какой почве возникают эти песни, в какой степени они обусловлены и вызваны действительностью. Метод исследования теперь уже не филологический: его можно скорее назвать сравнительно-историческим.

Этот же метод вскрывает и идейное содержание исследуемых песен. Автор прав, когда он делит песни по мотивам на социально-обличительные и описательно-бытовые. Обе эти стороны тесно связаны между собой. Бедность есть результат притеснений и эксплуатации. Если собрать воедино мотивы всех песен-жалоб, конкретные описания жилища, одежды крестьянина, его утвари, скота, всех видов его тяжелого труда, собрать все, что в этих песнях говорится о господах, о всех властях, начиная от сельских и кончая высшими властями и духовенством всех рангов, получается потрясающая картина быта мелкого немецкого крестьянина во времена феодальной эксплуатации XVII—XIX вв. Если расположить мотивы и их варианты в исторический ряд, становится очевидным, что при капитализме изменились формы эксплуатации, но не изменилась сущность ее. Идеология песен чисто крестьянская: в этих жалобах видны ненависть, отчаяние, но нет призыва к ниспровержению существующего строя. Случаи, когда, как выражается автор, песни «почти революционны» (стр. 352) — крайне редки. Авторы этих песен вообще не видят исхода или видят его в том, чтобы эмигрировать в другую страну или уйти в ландскнехты, позднее — в солдаты (стр. 289, 304), либо избрать себе другое ремесло, например стать плетельщиком соломенных шляп (стр. 157). Социальная острота песен колеблется. Как показано в книге, она слабеет к XVIII — началу XIX в. и вновь усиливается к концу XIX и началу XX в. Социальная острота не противоречит тому, что некоторые песни или варианты их, особенно в драматизированной форме, имеют юмористическую окраску. Этот юмор отнюдь не веселый, а мрачный и острый. Фигура злой жены, используемая в народных спектаклях как фигура комическая, по существу комической не является. Это образ осатаневшей от многодетности, голода, холода, болезней, каторжного труда и безысходной нужды женщины, которая во всем винит своего мужа и тем усиливает его несчастье. Мы видим, как много интересного содержится в книге Г. Штробаха, как много можно увидеть в этих песнях, если подходить к ним так, как это делает автор.

Все, о чем здесь говорилось, содержится главным образом в первой части книги. Вторая содержит сводные выводы уже не только для каждой песни, но для всего жанра в целом. Выводы эти даются в связи с теоретическими проблемами. Здесь подробно разработана теория народной песни в применении к «крестьянским жалобам». Если в первой части говорится о происхождении каждой песни в отдельности, то во второй — об источниках жанра в целом. Вопрос этот рассматривается в историческом аспекте. Далее речь идет о создании традиции. Автор прослеживает, как мы сказали бы, процесс фольклоризации, превращения стихотворений в народные песни, изучает устное и письменное бытование этих песен, изучает исполнителей и носителей традиции.

Особенно интересен раздел, посвященный процессу варьирования (стр. 367—392). Это, собственно говоря, самостоятельное исследование, иллюстрируемое материалами одного жанра, но имеющее более широкое и принципиальное значение. Здесь критически рассмотрены все главнейшие теории народной песни. Собственная точка зрения автора изложена нами выше, она хорошо продумана и полностью убеждает читателя. Далее конкретно исследуются процессы варьирования в той мере, в какой это прослеживается на материале изучаемого жанра. Изменения устанавливаются формально, но для них всегда можно найти исторические причины. Слуховые ошибки, например, никогда не могут быть причиной варьирования. Варьирование совершается по определенным ступеням; оно касается языка, метрики, структуры песен и вызвано как историческими причинами, так и социальным положением певца. Можно заметить два противоположных процесса: сохранения и порчи, но в целом процесс варьирования до известного исторического момента, когда песня исчезает, это процесс творческий. Вся эта часть работы сделана настолько точно и конкретно, что теория творческого бессилия народа (теория Наумана и его последователей) опровергается *ad oculos*. Эта часть книги очень полезна всем фольклористам, на своем материале сталкивающимся с вопросами варьирования песен.

В дальнейшем автор касается другого важного вопроса, а именно, вопроса об от-

ношении песен этого жанра к действительности и о социальной критике в них (стр. 363—410). И хотя этот раздел содержит главным образом выводы из первой части, он имеет большое общетеоретическое значение, показывая, насколько тесна связь подобных песен с реальной действительностью и какими методами эту связь можно раскрыть, определить и изучить.

Книга чрезвычайно содержательна. В ней проработан огромный фактический материал, изложенный очень сжато и точно. По своему стилю, методу и обращению с материалами она приближается к исследованиям в области точных наук. Метод ее чисто индуктивный, наблюдения всегда вытекают из материала, полностью, всесторонне и обстоятельно изученного. В этом — сила убедительности работы Г. Штрабаха. Можно пожелать, чтобы по образцу данной работы были разработаны и другие жанры немецкого фольклора, а также фольклора других народов.

В. Пронн

Špiro Kulišić. *Tragovi arhaične rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske simbioze*. «Biblioteka Etnološkog društva Jugoslavije», 5, Beograd, 1963, 105 стр.

Югославская этнография проявляет значительный интерес к проблемам сохранения большесемейных и общинных отношений у южных славян. Это легко объяснимо: именно южнославянская задруга дала тот богатый материал, на основании которого исследователи реконструировали семейную общину прошлого. Наблюдения, проводившиеся здесь, долгое время представляли в распоряжение этнографов обильный материал для суждения не только о задруге, но и о «племени», «братстве» и других родственных коллективах, и ряд ученых истолковывал отношения внутри этих коллективов в качестве образца патриархальных порядков. Однако в последние годы это устоявшееся в югославской науке мнение начало подвергаться постепенному пересмотру. Известный этнограф Ш. Кулишич выступил с рядом работ, в которых последовательно развил идею о сохранении в Боснии и Герцеговине, Черногории, Далмации и северной Албании, т. е. в районе Динарских гор, сильных пережитков матриликального брака, материнской филиации, авункулата, дуальной экзогамии и других доживших до нашего времени реликтов матриархальной родовой организации¹. В 1963 г. Этнологическое общество Югославии выпустило в свет монографию Ш. Кулишича, подводящую итог его многолетним изысканиям.

Книга состоит из 10 глав, большинство из которых посвящено характеристике различных форм родовых пережитков (см. главы «Обычай минората и матриликального брака», «Матриликальный брак и материнская филиация в черногорских и герцеговинских братствах», «Следы дуальной родовой организации», «Следы власско-славянского симбиоза в свадебных обычаях» и пр.). С одной из центральных идей работы мы знакомимся уже в первой главе «Матриархальное происхождение динарской задруги», где автор предлагает вниманию читателя мысль, которая затем становится одним из основных положений его концепции, — мысль о том, что «в динарской задруге положение женщины с самого начала («*grmatno*») не соответствовало положению женщины в развитом патриархальном обществе, где жена полностью подчинена мужу» (стр. 15). Таким образом, по его мнению, семейная община динарских районов сохраняет заметные пережитки матриархата, это положение Ш. Кулишич доказывает, анализируя памятники XIX—XX вв. из Черногории и Боснии и используя выводы Белокошича, Гаспарини и ряда других этнографов. Ш. Кулишич хорошо знает советскую этнографическую литературу и часто обращается к идеям, выдвинутым советскими исследователями, то развивая их на своем материале, то полемизируя с ними. Так, он возражает М. О. Косвену, доказывая, что личное имущество женщины в задруге восходит ко времени материнского рода, а не появляется в условиях распада первобытнообщинного строя (стр. 12). Здесь следует заметить, что, по мнению М. О. Косвена, в новое время возникает вовсе не личное имущество женщины, а лишь ее приданое², что же касается мнения о раннем происхождении личного имущества женщины в большой семье, то здесь между Кулишичем и Косвенем, насколько мы можем судить, нет расхождений.

Установив матриархальную подоснову динарской задруги, Ш. Кулишич намечает и вторую принципиальную черту этой задруги — отсутствие в ней патриархальной вла-

¹ Š. Kulišić, O postanku slovenske zadruge, «Bilten Instituta za proučvanje folklora», sv. 3, Sarajevo, 1955, стр. 43—56; е го же, Tragovi arhaične porodice u svadbenim običajima Crne Gore i Boke Kotorske, «Glasnik Zemaljskog muzeja», Sarajevo, 1956; е го же, O postanku i karakteru našeg «bratstva», «Pregled», 2—3, Sarajevo, 1957; е го же, Arhaično bratstvo u Crnoj Gori i Hercegovini, «Glasnik Zemaljskog muzeja», Sarajevo, 1957 и др.

² М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 60.